

ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ВАНДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ШКОЛЬНОЙ И СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ МЕГАПОЛИСА С УЧЕТОМ ФАКТОРА ПОЛА

О. В. Кружкова¹, И. В. Девятковская², М. С. Кривошекова³

*Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия.
E-mail: ¹galiat1@yandex.ru; ²rosirin@yandex.ru; ³kmsolimp@mail.ru*

Аннотация. *Введение.* Вандализм является актуальной современной проблемой. Особенно остро эта проблема стоит для современных мегаполисов, среда которых часто подвергается повреждениям и несанкционированным изменениям. Однако мегаполис, обладая специфическими средовыми характеристиками, в некотором смысле создает благоприятные условия для вандализма через анонимизацию, снижение социального контроля, принятие пограничных девиантно-подобных форм поведения и т. д. При этом субъектами вандальной активности зарубежными и отечественными исследователями называются подростки и юноши, то есть те молодые люди, которые в большинстве своем являются кроме прочего субъектами образования (школьниками, студентами). Их деструктивная вандальная активность может распространяться как в пространстве образовательной организации, так и иметь более широкий охват – территорию мегаполиса. Чаще всего в группу риска вандального поведения попадают представители мужского пола, однако есть примеры и женского вандализма. При этом вопрос о личностной детерминации вандального поведения школьников и студентов как активных преобразующих среду субъектов остается открытым.

Целью исследования стало выявление личностных характеристик как фасилитирующих и ингибирующих предикторов мотивационной готовности к вандальному поведению учащихся школ и вузов современного российского мегаполиса с учетом фактора пола.

Методология, методы и методики исследования. Исследование проводилось среди обучающихся школ и вузов г. Екатеринбурга (городской территории, обладающей всеми признаками современного российского мегаполиса). В исследовании приняли участие 132 человека в возрасте от 13 до 24 лет (42 респондента мужского пола, 90 респондентов женского пола; 57 школьников, 75 студентов). В качестве диагностического инструментария использовались личностные опросники НЕХАСО, «Темная триада» и опросник «Мотивы вандального поведения». Математико-статистическая обработка результатов осуществлялась с применением сравнительной статистики (t-критерий Стьюдента) и линейного регрессионного анализа.

Результаты исследования подтверждают наличие значимых различий в мотивационной готовности к вандализму среди мужской и женской подвыборки. Построенные дифференцированные по фактору пола регрессионные модели позволили выделить ряд значимых личностных предикторов вандального поведения. К предикторам-фасилитаторам относятся такие личностные особенности, как психопатия (для женской подвыборки) и нарциссизм. Предикторы-ингибиторы вандализма – честность-скромность, экстраверсия, альтруизм, добросовестность (женская подвыборка), открытость новому опыту, макиавеллизм.

Научная новизна заключается в том, что выявлены специфичные для российской выборки студентов и школьников, проживающих в условиях мегаполиса, личностные факторы вандального поведения с учетом дифференциации по фактору пола.

Практическая значимость обусловлена потенциальными возможностями использования полученных данных для организации профилактической работы по предупреждению вандальной активности обучающихся в рамках учебно-воспитательного процесса в образовательной организации.

Ключевые слова: молодежь, школьники, студенты, вандализм, вандальное поведение, мегаполис, личностные детерминанты.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01278).

Для цитирования: Кружкова О. В., Девятковская И. В., Кривошекова М. С. Личностные детерминанты вандального поведения школьной и студенческой молодежи мегаполиса с учетом фактора пола // Образование и наука. 2021. Т. 23, № 10. С. 155–181. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-10-155-181

PERSONAL DETERMINANTS OF VANDAL BEHAVIOUR AMONG URBAN SCHOOL AND STUDENT YOUTH FROM A GENDER PERSPECTIVE

O. V. Kruzhkova¹, I. V. Deviatovskaia², M. S. Krivoshchekova³

*Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.
E-mail: ¹galiat1@yandex.ru; ²rosirin@yandex.ru; ³kmsolimp@mail.ru*

Abstract. *Introduction.* Vandalism is an urgent modern problem. This problem is especially acute for modern megalopolises, the environment of which is often a subject for damages and unauthorised changes. However, the megalopolis, possessing specific environmental characteristics, in a sense creates favourable conditions for vandalism through anonymisation, a decrease in social control, the adoption of borderline deviant-like forms of behaviour, etc. At the same time, foreign and Russian researchers refer to adolescents and young adult males as the subjects of vandal activity, i.e. those young people, who are mostly the subjects of education (schoolchildren, students). Their destructive vandal activity can spread in the space of an educational organisation or in the urban territory. Most often, males are at risk of vandalism, but there are examples of female vandalism. In such a case, the question of the personal determination of vandal behaviour of schoolchildren and students as active subjects transforming the environment remains open.

The *aim* of the present research was to identify personality characteristics as facilitating and inhibiting predictors of motivational readiness for vandal behaviour of school and university students in a modern Russian megalopolis taking into account the gender factor.

Research methodology, methods and techniques. The research was carried out among students of schools and universities in Ekaterinburg (an urban area with all the features of a

modern Russian megalopolis). The study involved 132 people from 13 to 24 years (42 males, 90 females; 57 schoolchildren, 75 students). The HEXACO Personality Inventory, Dark Triad Personality Test and the questionnaire “Motives of Vandalism” were used as diagnostic tools. Mathematical and statistical processing of the results was carried out using comparative statistics (Student’s t-test) and linear regression analysis.

The *results* of the study confirm the existence of significant differences in the motivational readiness for vandalism among the male and female subsamples. The constructed gender-differentiated regression models made it possible to identify a number of significant personality predictors of vandal behaviour. Predictors-facilitators include personality traits such as psychopathy and narcissism. The predictors-inhibitors of vandalism are honesty-modesty, extraversion, altruism, conscientiousness (female subsample), openness to new experience, Machiavellianism.

The *scientific novelty* is in the fact that specific for the Russian sample of students and schoolchildren living in a megalopolis, personal factors of vandal behaviour were identified, taking into account gender differentiation.

The *practical significance* is due to the potential possibilities of using the obtained data for preventing vandalism by students in the framework of the educational process in an educational organisation.

Keywords: youth, schoolchildren, students, vandalism, vandal behaviour, megalopolis, personality determinants.

Acknowledgements. The current research was performed under the financial support of the Russian Science Foundation (RSF) in the framework of the research project № 17-18-01278.

For citation: Kruzhkova O. V., Deviatovskaia I. V., Krivoshchekova M. S. Personal determinants of vandal behaviour among urban school and student youth from a gender perspective. *The Education and Science Journal*. 2021; 23 (10): 155–181. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-10-155-181

Введение

Происходящие в настоящее время изменения затрагивают все сферы общественной жизни, появляются новые критерии «нормальной» жизни, подвергаются постоянной трансформации социальная среда и пространство. Границы между нормальным и девиантным поведением размываются, маргинализируются, а перманентная смена норм инициирует девальвацию и деструкцию существующей морально-нравственной системы [1, 2]. В первую очередь эти изменения затрагивают жителей больших городов и мегаполисов.

Под мегаполисом понимается очень крупный по занимаемой площади и по численности населения (более 1 млн. человек) город, образовавшийся за счет присоединения соседних населенных пунктов. Характеризуясь определенными географическими и социодемографическими параметрами,

мегаполис представляет собой «ментальное образование, формирующееся благодаря специфическим культурно-историческим факторам, определяющим особенности возникновения, конструирования и развития на той или иной территории мегаполисного сознания и мегаполисной идентичности» [3, с. 10]. Мегаполис отличается насыщенной мультифакторной средой, включающей социальные, территориальные, экономические, культурные, образовательные и прочие факторы, создающая условия для развития горожан, а также являющаяся одним из субъектов взаимодействия в городском пространстве. Такое взаимодействие может иметь реверсивный характер. С одной стороны, среда большого города выступает одним из важных факторов социализации, создавая условия для выбора активности, формируя богатый стимулами жизненный фон, предлагая больше возможностей для коммуникации (S. Milgram) [4]. С другой стороны, как показывают данные исследований, среда мегаполиса связана с высокой стрессовой нагрузкой на личность и может косвенно способствовать снижению ощущения личностного благополучия за счет фрустрации удовлетворения базовых потребностей [5; 6] или даже способствовать развитию психических расстройств [7]. Таким образом, любое воздействие среды находит свое отражение в поведении школьной и студенческой молодежи, детерминирует становление и развитие их личности. Анонимность социальных контактов и трансформация норм поведения с тенденцией к невмешательству в чужую жизнь, терпимости к радикальным проявлениям индивидуальности являются характерными чертами жизни в мегаполисе и санкционируют нарушение социальных норм.

Насыщенная информационными стимулами социальная среда мегаполиса (при одновременной редукции функции социального контроля) может способствовать формированию, развитию, а также депривации отдельных личностных качеств, фасилитирующих или ингибирующих вандализм. При этом вандализм в мегаполисе носит как более интенсивный характер, так и отличается максимальным разнообразием по формам исполнения, мотивационным основаниям и субъектам его совершения [8]. И. А. Симонова рассматривает «молодежный вандализм... как явление, не только обуславливающее физическое состояние города, но выполняющее функцию производства впечатлений, меняющих городское пространство, конституирующих как самих вандалов и референтные для них общности, так и выполняющих функцию сборки новых социальных образований» [9, с. 287]. Городская среда может нуждаться в «гомеопатических» дозах вандализма, который побуждает объединяться жителей для противостояния криминализации и деградации пространства города, а также может быть инструментом саморекламы и присвоения пространства молодежными

сообществами [10]. В исследовании К. В. Злоказова подчеркивается, что деструктивная активность личности в городской среде, в том числе и совершение вандальных действий, детерминируется определенными индивидуально-типологическими свойствами субъекта, выполняющими роль медиаторов и модераторов [11].

Вандализм нами понимается как способ коммуникации между личностью / группой лиц и обществом с целью выражения своего протеста или несогласия с чем-либо в общественной жизни [12]. Социальной группой, наиболее активно выражающей свою гражданскую позицию через вандальные инструменты, являются, как правило, подростки и молодежь, то есть обучающиеся школ и вузов. Кроме того, согласно результатам исследования Н. Hirtenlehner, несовершеннолетние подростки и юноши мужского пола в два раза чаще подозреваются в совершении вандальных актов (а именно в разрушении объектов), чем в совершении других преступлений [13]. Однако на разных национальных выборках результаты исследований о взаимосвязи пола и вандального поведения неоднозначны. Так, в исследованиях Р. Richards по изучению школьного вандализма указывается на наличие взаимосвязи между полом и некоторыми формами вандализма (битые стекла, порча школьной мебели и т. д.) [14], в работе же С. Tugart зависимости сообщаемого нанесенного ущерба от пола не прослеживается [15]. Таким образом, данные о роли пола, возраста и личностных особенностей в готовности к вандальному поведению и его проявлениях среди молодежи достаточно противоречивы и тем более требуют обогащения и уточнения на российской выборке.

В этой связи исследовательский интерес представляет анализ и эмпирическое изучение личностных характеристик молодых людей с учетом половой дифференциации, активно взаимодействующих со средой образовательной организации и города с целью их преобразования, самовыражения, демонстрации протеста или несогласия.

Целью представленного исследования стало выявление личностных характеристик как фасилитирующих и ингибирующих предикторов мотивационной готовности к вандальному поведению обучающихся школ и вузов российского мегаполиса с учетом фактора пола.

Исследовательские вопросы:

- 1) существуют ли специфические особенности в готовности к вандальному поведению с учетом фактора пола школьников и студентов мегаполиса?
- 2) каковы личностные особенности, обуславливающие высокую мотивационную готовность к вандальному поведению обучающихся школ и вузов мегаполиса (с учетом фактора пола)?

Обзор литературы

Анализ теоретических источников и исследований детерминации вандального поведения показывает интерес к данной проблеме и вместе с тем, недостаточную ее изученность как отечественными, так и зарубежными учеными.

Широко распространено понимание вандального поведения личности как индикатора психологических и социальных проблем (Л. Э. Делейчук, З. А. Фардзинова). Среди таких психологических детерминант вандализма авторы указывают эмоциональную неуравновешенность, необходимость в агрессивном выражении протеста, нестабильность в межличностных отношениях, склонность к обвинениям, эгоизму, преобладание значимости негативных событий над позитивными, заниженную самооценку, самовыражение путём применения физической силы, отсутствие сформированной позиции и эмоциональное напряжение [16, 17].

Л. С. Ватова, рассматривая вандализм как один из вариантов девиантного поведения, проявляющийся в порче культурных ценностей по причине подражания разрушительным тенденциям, существующим в обществе, самоутверждения в социуме, протеста против последовательности применения норм, в качестве главных психологических причин вандализма указывает фрустрацию высших, созидательных потребностей и неспособность индивида превращать позитивные социальные влияния в факты собственной внутренней жизни [18]. Психологические особенности подростков и молодежи, причастных к вандализму, классифицируются ею следующим образом:

- уступчивые: молодые люди шизоидного (интровертированного) типа с тормозными реакциями астенодепрессивного типа;
- зависимые: молодые люди с конформностью, склонностью к подражанию, внушению, эмоционально-волевой неустойчивостью;
- уверенные в себе: молодые люди с проявлением эпилептоидности;
- доминирующие: молодые люди с проявлением демонстративности, гиперактивности, агрессивности [18].

О. В. Гурова, анализируя взаимосвязь личностных и деятельностных оснований в вандальном поведении подростков, обращает внимание на то, что «вандальные действия в подростковом и юношеском возрасте не только совершаются сознательно и целенаправленно, но и имеют определенное значение для развития личности. Они могут быть формой самовыражения, протеста против существующих правил и мира взрослых в целом, а также реакцией на отношение окружающих» [19, с. 88]. Также отмечается, что вандализм избирается подростком в качестве поведенческой стратегии в

связи с отсутствием возможности осуществить актуальную потребность адекватным путем [19].

Определенный вклад в понимание причин вандального поведения вносит модель субъективного контроля. В ходе изучения связи личностных характеристик с нанесением надписей и рисунков на стены (M. J. Schwartz, J. F. Dovidio) было установлено, что экстернальный локус контроля чаще отмечается у тех, кому свойственно оставлять надписи [20].

Результаты исследования причин вандального поведения, проведенного учеными из Johannes Kepler Universitaet Linz (H. Hirtenlehner, H. Leitgöb, K. Stiebellehner, A. Birklbauer, J. Bacher), показали, что в большинстве случаев такое поведение детерминируется необходимостью разрядки или избавления от гнева [13]. Этот гнев, как отмечают опрошенные, не был направлен на какую-то личность или вызван ей. Это было просто переживание гнева. Второе место занимает фактор удовольствия от совершения вандализма (его отметили 37 %), а третье – скука (35 % опрошенных).

В исследовании S. Pfattheicher, J. Keller, C. Knezevic предикторы вандализма ради удовольствия изучались с помощью методик HEXACO, «Темная триада» и опросника на тенденции к вандализму [21]. В ходе исследования была подтверждена гипотеза о взаимосвязи садизма как черты личности и вандализма, а также наглядно показано влияние личностных особенностей подростков на проявление вандального поведения (однако оно было сосредоточено только на одной форме его проявления). Вместе с тем, авторами не описано, почему именно лица с садистскими тенденциями больше мотивированы на вандальные действия [21].

В этой связи исследовательский интерес представляет изучение воздействия различных эмоциональных состояний (фрустрации, гнева, скуки) на эстетическое переживание акта разрушения, а также прояснение влияния личностных характеристик на проявления вандальной активности. В то же время активно обсуждается вопрос о половой предрасположенности к вандализму.

В зарубежных исследованиях XX века наблюдается тенденция рассмотрения вандализма как поведения, в большей степени характерного для лиц мужского пола (A. Goldstein, D. B. Francis, J. L. Howard) [22, 23, 24]. Отечественные авторы уточняют, что девушки и женщины также принимают участие в актах вандализма [25].

Так, в исследовании вандального поведения подростков и молодежи австрийских ученых (H. Hirtenlehner, H. Leitgöb, K. Stiebellehner, A. Birklbauer, J. Bacher) отмечается, что оно характерно в большей степени

для юношей, чем для девушек, что опосредуется особенностями общения в подростковом возрасте и юности [13].

Зачастую вандализм исследуется в рамках образовательных организаций [20, 26, 27, 28, 29, 30], но при этом все авторы понимают, что границы самой вандальной активности гораздо шире материального мира школы или вуза и распространяются на то городское пространство, в котором проживает субъект вандализма [31].

Результаты теоретического анализа, позволяют сделать ряд выводов и очертить проблемное поле представленного в данной статье исследования:

- исследования вандализма с позиции психологии отрывочны и локальны в отношении как территориальных признаков, так и характеристик изучаемых групп респондентов;

- перечень личностных черт – предикторов вандального поведения широк, кроме того, дизайн большинства исследований построен на основе корреляционных связей 2-3 характеристик личности с проявлениями (готовностью) вандального поведения;

- роль фактора пола и уровня образовательной организации (латентный фактор возраста) наиболее часто изучались в рамках описательных исследований на выделенных специфических группах респондентов; сравнительные исследования более редки;

- отсутствуют комплексные исследования (за исключением работы S. Pfattheicher, J. Keller, C. Knezevic [21]), в которых изучается как роль социально-демографических факторов респондентов (пол, образовательная организация), так и личностных характеристик респондентов в проявлении вандального поведения.

Методология и методы

Диагностика психологических особенностей испытуемых проводилась с применением следующих методик:

- опросник «HEXACO» (М. Эштон и К. Ли) предназначен для диагностики шести диспозиционных черт личности (факторов) – честность-скромность, эмоциональность, экстраверсия, доброжелательность, добросовестность и открытость опыту и дополнительного фактора альтруизма [32];

- методика диагностики личностных черт злонамеренного негативного для окружения характера «Темная триада»: нарциссизм, макиавеллизм, психопатия [33];

- личный опросник «Мотивы вандального поведения» (И. В. Воробьева, О. В. Кружкова, С. А. Острикова), диагностирующий 10 видов

вандального поведения по их мотивационному основанию (стяжательный вандализм, агрессивный вандализм, тактический вандализм, любопытствующий вандализм, эстетический вандализм, экзистенциальный вандализм, протестующий вандализм, конформный вандализм, вандализм, обусловленный неудобством окружающей среды, вандализм, обусловленный скукой) и предназначена для работы с подростковой и юношеской выборками [34].

Исследование проводилось на базе школ и вузов г. Екатеринбурга. Выборка составила 132 человека в возрасте от 13 до 24 лет, среди которых 42 респондента мужского пола и 90 респондентов женского пола.

Методы математико-статистического обработки данных осуществлялись на базе статистического пакета JASP 0.14.0.0, имеющего открытый доступ:

– параметрический критерий сравнения t-Стьюдента для независимых выборок применялся с коррекцией уровня значимости при сравнении выборок с неравной дисперсией и последующей коррекцией уровня значимости для нивелирования ошибок первого рода с применением формулы Бенжамини-Хочберга в соответствии с рекомендациями для указанного объема выборки и характеристик типа распределения эмпирических данных [35];

– линейная регрессия методом принудительного включения и последовательного исключения предикторов (зависимые переменные – шкалы методики «Мотивы вандального поведения»; независимые переменные – шкалы методик НЕХАСО и «Темная триада»).

Результаты исследования

При поиске ответа на первый исследовательский вопрос было проведено сравнение по изучаемым психологическим показателям между респондентами мужского и женского пола и выявлены статистически значимые различия по показателю эмоциональности, а также по пяти из десяти показателям мотивов вандального поведения (таблица 1). При этом респонденты в мужской подвыборке демонстрируют более высокую готовность к таким мотивационным видам вандализма, как агрессивному, экзистенциальному (самовыражение), протестующему, конформному, а также вандализму, вызванному скукой, по сравнению с женской подвыборкой. В то же время для девушек характерны более высокие показатели эмоциональности как черты личности, чем для респондентов мужской подвыборки.

Таблица 1

Результаты сравнительного анализа мужской и женской подвыборок

Table 1

Results of a comparative analysis of male and female subsamples

Психологический показатель	Коэффициент Стьюдента, t	Уровень значимости, p	Скорректированный уровень значимости**, p'	Мужская подвыборка		Женская подвыборка	
				Хср	σ	Хср	σ
Эмоциональность	-7,909	0,000	0,000	45,00	8,18	57,62	8,70
Агрессивный вандализм	2,731	0,030*	0,040	12,02	5,88	9,86	3,23
Экзистенциальный вандализм	2,968	0,017*	0,021	11,83	5,86	9,44	3,36
Протестующий вандализм	2,881	0,016*	0,019	12,55	5,86	10,09	3,83
Конформный вандализм	3,074	0,015*	0,017	11,93	5,49	9,66	3,00
Вандализм, обусловленный скукой	3,370	0,009*	0,010	12,07	6,59	9,16	3,36

Примечание: *автоматически скорректированный уровень значимости при сравнении выборок с неравной дисперсией (уровень значимости критерия Ливиня <0.05); **коррекция уровня значимости для нивелирования ошибок первого рода проведена с применением формулы Бенжамини-Хочберга.

Тем не менее полученные результаты требовали уточнения с учетом специфики принадлежности респондентов к разным видам учебных заведений (школ и вузов). В связи с наличием статистически значимых различий между мужской и женской подвыборками сравнение групп школьников и студентов было реализовано дифференцировано по фактору пола (таблица 2).

В итоге между школьниками и студентами в мужской подвыборке было обнаружено только одно статистически значимое различие по показателю «открытость опыту» (HEXACO), в то время как при аналогичном сравнении в женской подвыборке различия были обнаружены как по проявлениям позитивных и негативных личностных черт, так и по готовности школьников и студентов к вандальному поведению, вызванному скукой. Однако незначительное количество обнаруженных различий среди обуча-

ющихся школ и вузов позволяет проводить дальнейшие статистические исследования, учитывая дифференциацию выборки по полу, но опуская необходимость ее разделения по типу образовательной организации.

Таблица 2

Результаты сравнительного анализа школьников и студентов с дифференциацией по полу

Table 2

Results of comparative analysis of schoolchildren and students with gender differentiation

Психологический показатель	Коэффициент Стьюдента, t	Уровень значимости, p	Скорректированный уровень значимости*, p'	Школьники		Студенты	
				Хср	σ	Хср	Σ
Мужская выборка							
Открытость опыту	-4,568	0,000	0,000	46,36	7,48	57,65	8,40
Женская выборка							
Искренность-скромность	2,730	0,008	0,009	55,16	9,18	49,09	10,56
Экстраверсия	-2,085	0,040	0,047	48,69	9,90	53,04	9,22
Психопатия	2,769	0,007	0,007	22,44	6,42	19,14	4,77
Вандализм, обусловленный скукой	2,936	0,004	0,004	10,50	4,95	8,41	1,67

Примечание: * коррекция уровня значимости для нивелирования ошибок первого рода проведена с применением формулы Бенжамини-Хочберга.

С целью обнаружения личностной детерминации мотивационной готовности к вандальному поведению учащихся школ и вузов мегаполиса был проведен линейный регрессионный анализ на мужской и женской подвыборках (таблицы 3 и 4).

Таблица 3

Регрессионные модели мотивационных видов вандального поведения и личностных факторов HEXACO и «Темной триады» для мужской подвыборки

Table 3

Regression models of motivational types of vandal behaviour and personality factors HEXACO and “Dark Triad” for the male subsample

Независимые переменные (личностные факторы)	Зависимые переменные (мотивационные виды вандального поведения)									
	СтВ	АгВ	ТкВ	ЛбВ	ЭсВ	ЭкВ	ПрВ	КфВ	СрВ	СкВ
	Параметры регрессионных моделей									
	F=12,39; p=0,000; R2=38,9%	F=8,18; p=0,001; R2=29,6%	F=8,51; p=0,001; R2=30,4%	F=8,74; p=0,000; R2=40,8%	F=12,67; p=0,000; R2=39,4%	F=7,96; p=0,000; R2=52,5%	F=5,01; p=0,003; R2=35,1%	F=9,03; p=0,000; R2=41,6%	F=12,35; p=0,000; R2=38,8%	F=8,64; p=0,000; R2=54,6%
Честность-скромность	$\beta=-0,535$ P=0,000	$\beta=-0,534$ P=0,000	$\beta=-0,506$ P=0,001	$\beta=-0,576$ P=0,000	$\beta=-0,463$ P=0,001	$\beta=-0,507$ P=0,001	$\beta=-0,350$ P=0,031	$\beta=-0,647$ P=0,000	$\beta=-0,511$ P=0,000	$\beta=-0,407$ P=0,005
Экстраверсия		$\beta=-0,288$ P=0,044	$\beta=-0,368$ P=0,011			$\beta=-0,313$ P=0,035	$\beta=-0,488$ P=0,003	$\beta=-0,290$ P=0,029		
Доброжелательность				$\beta=0,283$ P=0,049						
Открытость опыту										$\beta=-0,262$ P=0,034
Альтруизм	$\beta=-0,333$ P=0,011			$\beta=-0,392$ P=0,003	$\beta=-0,435$ P=0,001	$\beta=-0,296$ P=0,034			$\beta=-0,368$ P=0,006	$\beta=-0,442$ P=0,001

Макиавел- лизм										$\beta=-0,314$ $P=0,017$	$\beta=-0,274$ $P=0,061$	$\beta=-0,394$ $P=0,005$			$\beta=-0,293$ $P=0,025$
Нарциссизм										$\beta=0,330$ $P=0,041$	$\beta=0,410$ $P=0,025$			$\beta=0,376$ $P=0,013$	

Примечание: СтВ – стяжательный вандализм; АгВ – агрессивный вандализм; ТкВ – тактический вандализм; ЛбВ – любопытствующий вандализм; ЭсТ – эстетический вандализм; ЭкВ – экзистенциальный вандализм; ПрВ – протестующий вандализм; КфВ – конформный вандализм; СрВ – вандализм, обусловленный неудобством среды; СкВ – вандализм, обусловленный скукой.

Таблица 4

Регрессионные модели мотивационных видов вандализма и личностных факторов HEXACO и «Темной триады» для женской выборки

Table 4

Regression models of motivational types of vandal behaviour and personality factors HEXACO and “Dark Triad” for the female subsample

Независимые переменные (личностные факторы)	Зависимые переменные (мотивационные виды вандализма)									
	СтВ	АгВ	ТкВ	ЛбВ	ЭсВ	ЭкВ	ПрВ	КфВ	СрВ	СкВ
	Параметры регрессионных моделей									
	$F=9,19; p=0,000;$ $R^2=30,2\%$	$F=10,80; p=0,000;$ $R^2=27,4\%$	$F=7,63; p=0,000;$ $R^2=31,2\%$	$F=7,46; p=0,000;$ $R^2=20,7\%$	$F=13,35; p=0,000;$ $R^2=31,8\%$	$F=7,97; p=0,000;$ $R^2=21,8\%$	$F=4,63; p=0,002;$ $R^2=18,1\%$	$F=11,58; p=0,000;$ $R^2=21,0\%$	$F=8,59; p=0,000;$ $R^2=33,8\%$	$F=10,95; p=0,000;$ $R^2=20,1\%$
Честность-скромность	$\beta=-0,281$ $P=0,006$			$\beta=-0,226$ $P=0,034$	$\beta=-0,370$ $P=0,000$					
Экстраверсия							$\beta=-0,352$ $P=0,005$		$\beta=-0,324$ $P=0,009$	

Добросовестность	$\beta=-0,227$ $P=0,038$		$\beta=-0,246$ $P=0,028$		$\beta=-0,380$ $P=0,000$			$\beta=-0,305$ $P=0,004$	
Открытость новому опыту								$\beta=-0,221$ $P=0,018$	
Альтруизм		$\beta=-0,233$ $P=0,016$	$\beta=-0,215$ $P=0,026$			$\beta=-0,261$ $P=0,010$	$\beta=-0,216$ $P=0,039$		
Макиавеллизм	$\beta=-0,279$ $P=0,007$	$\beta=-0,212$ $P=0,032$	$\beta=-0,284$ $P=0,006$	$\beta=-0,320$ $P=0,004$	$\beta=-0,256$ $P=0,009$	$\beta=-0,235$ $P=0,023$	$\beta=-0,225$ $P=0,048$	$\beta=-0,235$ $P=0,022$	$\beta=-0,276$ $P=0,008$
Психопатия	$\beta=0,286$ $P=0,013$	$\beta=0,443$ $P=0,000$	$\beta=0,246$ $P=0,038$	$\beta=0,379$ $P=0,000$		$\beta=0,343$ $P=0,001$		$\beta=0,479$ $P=0,000$	
Нарциссизм			$\beta=0,234$ $P=0,023$				$\beta=0,335$ $P=0,013$		$\beta=0,418$ $P=0,001$

Примечание: СтВ – стяжательный вандализм; АгВ – агрессивный вандализм; ТакВ – тактический вандализм; ЛбВ – любопытствующий вандализм; Эст – эстетический вандализм; ЭкВ – экзистенциальный вандализм; ПрВ – протестующий вандализм; КфВ – конформный вандализм; СрВ – вандализм, обусловленный неудобством среды; СкВ – вандализм, обусловленный скукой.

Исследуя личностную детерминацию готовности к вандальному поведению среди школьников и студентов мегаполиса, можно отметить существенные отличия по фактору пола в полученных регрессионных моделях. Так, для мужской подвыборки наиболее частым ингибирующим предиктором (наблюдающимся во всех моделях) является черта честность-скромность. Также в 6 из 10 моделей подобным предиктором является альтруизм. В женской подвыборке на первый план как ингибирующий предиктор выходит макиавеллизм, а частым предиктором, фасилитирующим готовность к вандальному поведению, становится психопатия. Обращает на себя внимание тот факт, что наиболее частотными представленными и значимыми в

мужской подвыборке являются предикторы социально одобряемых черт личности, в то время как в женской выборке подобными предикторами, очевидно, становятся негативные «темные» личностные черты.

Обсуждение результатов

Анализируя представленные выше результаты, можно отметить, что между мужской и женской подвыборками существуют статистически значимые различия по готовности к агрессивному, экзистенциальному, протестующему, конформному вандализму, а также вандализму, вызванному скукой. При этом у мужской подвыборки показатели данных мотивационных видов вандализма значительно выше, чем в женской подвыборке. В целом на более выраженную склонность к вандальному поведению подростков и юношей мужского пола уже указывалось в ряде зарубежных исследований [36], где отмечается не только более высокая частотность мужского вандализма, но и указывается на специфичность тяжелых форм вандальной активности для представителей мужского пола и характерность малых форм вандализма для представителей женского пола [13]. А. Г. Кочламазашвили и И. А. Фурманов при изучении готовности к вандальному поведению среди студентов белорусских вузов обнаружили, что девушки, принимающие свою женскую роль, не имеют выраженной готовности к деструктивному поведению в отношении материальных объектов, в отличие от девушек маскулинного типа, для которых характерна выраженная девиантность и мотивационная готовность к вандализму [27]. E. Storvoll и L. Wichstrom в рамках популяционного исследования норвежских школьников выявили, что связь между вандализмом как одной из проблем поведения и факторами риска (среди которых – условия семейного воспитания, влияние сверстников и др.) значительно сильнее у мальчиков, чем у девочек, в то же время вандализм связан с иными проблемами поведения (такими как употребление психоактивных веществ, суицидальное поведение и эмоциональные нарушения) более тесно в женской выборке, чем в мужской [37]. То есть, например, конформный вандализм, совершаемый «за компанию» под влиянием окружения ровесников, чаще будет характерен именно мужским подростковым и юношеским «кликам», однако под воздействием алкоголя и других психоактивных веществ девиантные женские молодежные сообщества также могут проявлять различные формы агрессии, в том числе демонстрировать вандальное поведение. В лонгитюдном исследовании P. A. Van Lier, F. Vitaro, E. D. Barker и др. на канадских школьниках подросткового возраста также подтвердили, что для мужской выборки наиболее характерны высокая и средняя траектории развития вандализма, в то время как

для женской выборки более типичны средняя и низкая траектории. При этом ими также было обнаружено, что вандализм более характерен для тех учеников, кто имел опыт физической агрессии в более раннем возрасте при обучении в младших классах школы [29]. На российских выборках подтверждается сходная дифференциация по фактору пола готовности к вандальному поведению среди обучающихся [38, 39], однако данное разделение имеет определенные различия в разные возрастные периоды. В представленном в данной статье исследовании выявлено единственное различие в готовности к вандальному поведению между школьниками и студентами, обнаруженное в женской подвыборке. Так, готовность школьниц преобразовывать в силу скуки (как конструктивно, так и деструктивно, но в обоих случаях несанкционированно) окружающее пространство несколько выше, чем у девушек-студенток, которые, вероятно, более внимательны к социальным нормам и правилам или реже испытывают состояние скуки.

В рамках ответа на второй исследовательский вопрос о личностной детерминации готовности к вандальному поведению можно отметить, что данные, полученные в ходе исследования, с одной стороны, подчеркивают специфику вандального поведения и его личностной обусловленности и мужской, и женской подвыборок; с другой – выделяется ряд значимых личностных предикторов, играющих либо фасилитирующую (способствующую развитию вандализма), либо ингибирующую (блокирующую развитие вандализма) роль.

В проведенном ранее исследовании S. Pfattheicher, J. Keller, C. Knezevic в рамках сходной исследовательской модели было обнаружено, что основными личностными чертами, ингибирующими вандализм, совершаемый ради удовольствия, являются такие: честность-скромность, эмоциональность, доброжелательность и добросовестность. При этом психопатия является значимым фасилитирующим предиктором [21]. На основе наших исследовательских данных можно заметить, что эмоциональность не является значимым предиктором готовности к вандальному поведению для российской выборки школьников и студентов, дифференцированной по фактору пола. Вместе с тем, доброжелательность в мужской подвыборке служит фасилитирующим (а не ингибирующим) фактором для проявления любопытствующего вандализма. В последнем случае стоит отметить, что любопытствующий вандализм в большей степени является проявлением познавательной, нежели деструктивной деятельности, а портрет «любопытствующего вандала» описывает его «как человека эмоционально позитивного, активного и общительного» [40], что может поддерживаться развитой доброжелательностью.

В то же время психопатия, как основной фасилитирующий предиктор, встречается в женской выборке, что согласуется с ранее уже описанной

ролью данного фактора для развития вандального поведения [21, 41]. В то же время в мужской выборке на первый план как основной ингибирующий предиктор выходит фактор честность-скромность. Последний, исходя из его строения, является комплексным противопоставлением трем чертам личности, диагностируемым «Темной триадой» (макиавеллизм, нарциссизм и психопатия) [42]. Тем не менее стоит обратить особое внимание на тесную непосредственную (для женской подвыборки) и опосредованную через фактор честность-скромность (для мужской подвыборки) взаимосвязь психопатии и вандализма. Неклиническая психопатия проявляется в таких чертах, как импульсивность, эгоизм, тяга к острым ощущениям, низкая эмпатия и антисоциальное поведение и пренебрежение социальными нормами [42, 43, 44, 45, 46]. Интересно, что в исследовании А. Nordmarker и др. вандализм шведских школьников старших классов (как в форме разрушения, так и в форме несанкционированной графической активности) был предсказан фактором импульсивности (непреднамеренной в случае деструкции среды и двигательной в ситуации преобразования среды графическими объектами) [47], что косвенно свидетельствует о наличии связи с психопатией.

Еще одним фасилитирующим предиктором для протестующего вандализма (вся выборка), экзистенциального и вызванного скукой вандализма (мужская подвыборка), тактического и вызванного неудобством среды вандализма (женская подвыборка) является фактор нарциссизма. Нарциссические личности характеризуются выраженной демонстративностью; они склонны считать себя лидерами, подчеркивать свое превосходство, высоко оценивая свои способности и достижения [43, 47]. Зачастую нарциссизм является результатом неудачного действия компенсаторных механизмов, скрывающих чувство неполноценности, которое эволюционирует в комплекс превосходства и ощущение избранности [49]. В своем стремлении к популярности и лидерству, созданию желаемой «крутой» репутации обучающиеся могут пренебрегать социальными нормами через демонстрацию негативного отношения к институциональной власти – закону, полиции, нормам поведения в школе, учителям, и активно вовлекаться в деструктивное поведение, в том числе вандального характера (что было исследовано на выборке испанских школьников [30]). Фактически, нарциссический вандал, причиняя вред собственности других людей, находится в состоянии доминирования (грандиозности) и обладает чувством контроля над средой и вовлеченными в вандально обусловленные отношения людьми (сообщниками, пострадавшими, наблюдателями) [21, 50], получает удовольствие от обретенной власти, невзирая на чувства и интересы других людей.

Заслуживает внимания тот факт, что в женской подвыборке основным ингибирующим предиктором готовности к вандальному поведению вы-

ступает макиавеллизм, который в мужской подвыборке так же значим для 4 из 10 регрессионных моделей (экзистенциальный, протестующий, конформный вандализм и вандализм, обусловленный скукой). Являясь показателем склонности к манипуляции в социальном взаимодействии [51], макиавеллизм, как правило, основывается на расчетливости поведения субъекта и обесценивании им личности другого [43]. Вместе с тем, достижение властной позиции (в отличие от ситуации с психопатией), для личности с высоким макиавеллизмом (зачастую компенсаторного характера) не столь значимо, как сохранение status quo [52]. Вандализм для макиавеллиста не является привлекательным инструментом воздействия, поскольку влияние через социальные коммуникативно-отношенческие способы более действенны в его исполнении. Также импульсивные проявления вандального поведения у обучающихся-макиавеллистов сдерживаются их эмоциональной холодностью.

Таким образом, выделяются личностные черты школьников и студентов, выраженность которых может способствовать снижению общей готовности к вандальной активности. К таким чертам относятся честность-скромность, альтруизм, добросовестность (только для женской подвыборки) и макиавеллизм. Развитие данных особенностей личности в рамках учебно-воспитательного процесса в образовательных организациях может послужить профилактической мерой для предупреждения вандального поведения молодежи мегаполиса. Даже в отношении макиавеллизма развитие социальной компетентности, рассудительности, эмоциональной стабильности (которые являются компонентами макиавеллизма) без обесценивающего отношения к личности другого является одним из перспективных направлений в профилактике вандализма. Это базируется на том факте, что обучающие группы риска по вандализму, как правило, применяют вандальное поведение для компенсации своей социальной некомпетентности и зажатости в прямой коммуникации. Совершенствование коммуникативной компетентности, социального и эмоционального интеллекта обучающихся путем использования различных психолого-педагогических технологий, в частности – проектной деятельности [53], в рамках текущего учебного процесса позволяет использовать ресурсы системы образования для сдерживания вандальной активности молодежи.

Заключение

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Вандализм – это явление, распространенное в разных средовых условиях, и его совершают разные категории лиц. Но наиболее часто вандализм является результатом деструктивной активности молодежи (подрост-

кового и юношеского возраста), которая, одновременно с этим, является субъектом образования. Школьники и студенты используют вандализм как средство коммуникации и как неинституализированный инструмент выражения собственной позиции. Наибольший масштаб вандальная активность молодежи приобретает именно в условиях мегаполиса, который, с одной стороны, предоставляет широкое поле для деятельности, с другой – социально и культурно детерминирует относительно лояльный взгляд на легкие формы девиаций поведения.

2. Вандализм обладает явной половой дифференциацией. И у школьников, и у студентов, в мужской подвыборке половина диагностирующих мотивы вандального поведения шкал характеризуется более высокими показателями, чем в женской подвыборке. Также фактор пола проявляется через специфику в детерминации мотивационной готовности к вандальной активности личностными характеристиками респондентов.

3. Вандализм школьников и студентов может ингибироваться и фасилитироваться их личностными чертами. При этом большое значение имеет фактор пола. К наиболее значимым чертам-фасилитаторам, в первую очередь, относится психопатия, но это характерно только для женской подвыборки. В мужской подвыборке психопатия не является предиктором ни для одной модели мотивов вандального поведения. Также для женской подвыборки наиболее значимым фактором-ингибитором выступает макиялизм. В мужской подвыборке перечень значимых черт – ингибиторов/фасилитаторов – отличен. К наиболее значимым для большинства моделей мотивов вандального поведения чертам-ингибиторам относится честность-скромность и альтруизм. Нарциссизм как эгоистичная деструктивная ориентация на самопрезентацию и самолюбование является универсальным для представителей обоих полов фактором-фасилитатором, поддерживающим вандальное поведение.

4. Профилактика вандализма обучающихся может быть встроена в текущий педагогический процесс через развитие тех личностных характеристик школьников и студентов, которые оказывают ингибирующее воздействие на данный вид их деструктивной активности.

5. Ограничения представленного исследования могут быть связаны с применением стандартизированных опросников как самоотчетов при диагностике социально-неприемлемого поведения, что повышает риск проявления социальной желательности со стороны респондентов и искажения получаемых данных. Также ограничение исследования связано с ограниченным объемом выборки и с местом сбора данных (г. Екатеринбург), имеющим определенную региональную специфику, хотя и обладающим в полной мере характеристиками современного российского мегаполиса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Руденкин Д. В., Воробьева И. В., Кружкова О. В., Кривошекова М. С. Молодежный вандализм в среде мегаполиса: границы нормы и девиации // Образование и наука. 2018. № 20 (2). С. 125–146.
2. Разинов Ю. А. Состояние постмаргинальности [Электрон. ресурс] // Международный журнал исследований культуры. 2020. № 1 (38). С. 6–21. DOI: 10.24411/2079-1100-2020-00001
3. Власова Е. В. Мегаполис как семантико-символическая культура: автореф. дис. канд. филос. наук. Москва, 2013. С. 10.
4. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. Санкт-Петербург: Питер, 2000. 336 с.
5. Кружкова О. В., Воробьева И. В., Жданова Н. Е. Городской стресс: субъективно-средовые факторы вандализма молодежи как стратегии совладания // Психология стресса и совладающего поведения: вызовы, ресурсы, благополучие: материалы V международной научной конференции. Кострома, 2019. С. 86–90.
6. Matheson F. I., Moineddin R., Dunn J. R., Creator M. I., Gozdyra P., Glazier R. H. Urban neighborhoods, chronic stress, gender and depression // Social Science & Medicine. 2006. № 63 (10). P. 2604–2616. DOI: 10.1016/j.socscimed.2006.07.001
7. Lederbogen F., Haddad L., Meyer-Lindenberg A. Urban social stress – Risk factor for mental disorders. The case of schizophrenia // Environmental Pollution. 2013. № 183. P. 2–6. DOI: 10.1016/j.envpol.2013.05.046
8. Бабикова М. Р., Воробьева И. В., Злоказов К. В., Кружкова О. В., Оболенская А. Г., Порозов Р. Ю., Руденкин Д. В., Симонова И. А. Молодежный вандализм как реакция на информационные вызовы городской среды: монография. Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2019. 240 с.
9. Симонова И. А. Аффективная сила вандализма: молодежные вандальные практики в контексте концепции аффективного труда // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 1 (149). С. 273–291.
10. Zinganel M. Vandalism as a productive force // Shrinking Cities: International Research. 2005. № 1. С. 294.
11. Злоказов К. В. Индивидуально-типологические корреляты деструктивного поведения // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: общественные науки. 2015. № 2 (140). С. 153–161.
12. Кружкова О. В., Воробьева И. В., Порозов Р. Ю., Зарбова Б. Функции вандализма в молодежном поведении: от личности к обществу // Образование и наука. 2018. № 20 (10). С. 95–120. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-95-120
13. Hirtenlehner H., Leitgöb H., Stiebellehner K., Birklbauer A., Bacher J. Vandalismus und Sachbeschädigungsdelinquenz von Kindern und Jugendlichen // ZJJ. 2019. № 2. P. 120–132.
14. Richards P. Middle-class vandalism and age-status conflict // Social Problems. 1979. № 26 (4), P. 482–497.
15. Tygart C. Public school vandalism: Toward a synthesis of theories and transition to paradigm analysis // Adolescence. 1988. № 23 (89). P. 187–200.
16. Делейчук А. Э., Фардзинова З. А. Вандализм как форма асоциального поведения молодежи [Электрон. ресурс] // Политика, государство и право. 2015. № 6. Режим доступа: <http://politika.snauka.ru/2015/06/3167> (дата обращения: 01.07.2021).

17. Волкова Е. Н., Митицина Е. А. Обзор психологических исследований вандализма детей и подростков как основа проектирования программ профилактики в образовательной среде // Вестник Минского университета. 2020. № 8 (3). С. 6.
18. Ватова Л. С. Социально-психологические основания молодежного вандализма и его профилактика. Москва: Народное образование, 2007. 298 с.
19. Гурова О. В. Вандальное поведение подростков как правовая и психологическая проблема // Образование и наука. 2018. № 20 (10). С. 76–94.
20. Schwartz M. J., Dovidio J. F. Reading between the lines: Personality correlates of graffiti writing // Perception & Motor Skills. 1984. P. 59.
21. Pfattheicher S., Kellera J., Knezevic G. Destroying things for pleasure: On the relation of sadism and vandalism // Personality and Individual Differences. 2019. № 140. P. 52–56. Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0191886918301752?via%3Dihub> (date of access: 01.07.2021).
22. Goldstein A. The psychology of vandalism. New York: Plenum Press, 1996. 296 p.
23. Francis D.B. Vandalism – the crime of immaturity. Dutton, 1983. 114 p.
24. Howard J. L. Factors in school vandalism // Journal of Research and Development in Education. 1978. № 11 (2).
25. Клейберг Ю. А. Креативная девиантология. Москва: ИИУ МГОУ, 2016. 160 с.
26. Кружкова О. В., Воробьева И. В., Гурова О. В. Графический вандализм в школах: семантика и особенности расположения // Психология когнитивных процессов. 2017. № 6. С. 153–157.
27. Кочламазашвили А. Г., Фурманов И. А. Мотивация вандального поведения юношей и девушек с различной склонностью к отклоняющемуся поведению // Научные труды Республиканского института высшей школы. 2017. № 17(3). С. 166–174.
28. Storvoll E. E., Wichstrøm L. Do the risk factors associated with conduct problems in adolescents vary according to gender? // Journal Adolescence. 2002. № 25 (2). P. 183–202. DOI: 10.1006/jado.2002.0460
29. Van Lier P. A. C., Vitaro F., Barker E. D., Koot H. M., Tremblay R. E. Developmental links between trajectories of physical violence, vandalism, theft, and alcohol-drug use from childhood to adolescence // Journal of Abnormal Child Psychology. 2009. № 37 (4). P. 481–492. DOI: 10.1007/s10802-008-9289-6
30. Lopez E. E., Perez S. M., Ochoa G. M., Ruiz D. M. Adolescent aggression: Effects of gender and family and school environments // Journal of Adolescence. 2008. № 31. P. 433–450. DOI: 10.1016/j.adolescence.2007.09.007
31. Воробьева И. В., Кружкова О. В. Психология вандального поведения. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2015. 304 с.
32. Егорова М. С., Паршикова О. В. Исследование структуры фактора Честность, Скромность из шестифакторного опросника личности НЕХАСО [Электрон. ресурс] // Психологические исследования. 2017. № 10 (56). С. 12. Режим доступа: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 01.07.2021).
33. Дерриш Ф. В. Сиптмокомплекс «Темная триада» во взаимосвязи с базовыми свойствами личности // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2015. № 1. С. 18–27.
34. Воробьева И. В., Кружкова О. В. Возможности диагностики мотивов вандального поведения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2011. № 42 (259), С. 35–40.

35. Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования: анализ и интерпретация данных. Санкт-Петербург: Речь, 2012. 389 с.
36. Csemy L., Hrachovinova, T., Cap P., Starostová O. Aggressive behaviour of adolescents: prevalence and analysis of the role of family, peer and school-related factors // *Ceskoslovenska Psychology*. 2014. № 58 (3). P. 242–253. Available from: <http://cpsych.psu.cas.cz/result.php?id=847> (date of access: 01.07.2021).
37. Stovoll E. E., Wichstrøm L., Pape H. Gender differences in the association between conduct problems and other problems among adolescents // *Journal of Scandinavian Studies in Criminology and Crime Prevention*. 2003. № 3(2). P. 194–209. Available from: <https://scholar.google.com.tr/citations?user=oeUobVYAAAAAJ&hl=en> (date of access: 01.07.2021).
38. Гурова О. В., Воробьева И. В., Кружкова О. В. Молодежный вандализм как форма познания социального пространства и коммуникации в нем // *Психология когнитивных процессов*. 2017. № 6. С. 127–133.
39. Кружкова О. В., Воробьева И. В. Готовность к вандальному поведению учащихся: гендерный аспект // *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*. 2020. № 3. С. 375–382. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2020-3-76
40. Воробьева И. В., Кружкова О. В. Вандализм как средство самопознания в юношеском возрасте // *Шестая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов*. 23–27 июня 2014 г. Калининград, 2014. С. 223–225.
41. Кружкова О. В., Кривошекова М. С. Роль факторов «темной триады» в мотивационной готовности к вандальному поведению студентов // *Образовательные ресурсы и технологии*. 2019. № 3 (28). С. 33–38.
42. Егорова М. С., Ситникова М. А., Паршикова О. В. Адаптация Короткого опросника Темной триады [Электрон. ресурс] // *Психологические исследования*. 2015. № 8 (43). С. 1. Режим доступа: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 01.07.2021).
43. Корнилова Т. В., Корнилов С. А., Чумакова М. А., Тамамч М. С. Методика диагностики личностных черт «Темной триады»: апробация опросника «Темная дюжина» // *Психологический журнал*. 2015. № 36 (2). С. 99–112.
44. Lilienfeld S. O., Andrews B. P. Development and preliminary validation of a self-report measure of psychopathic personality traits in noncriminal populations // *Journal of Personality Assessment*. 1996. № 66. P. 488–524.
45. Jakobwitz S., Egan V. The dark triad and normal personality traits // *Personality and Individual Differences*. 2006. № 40 (2). P. 331–339. Available from: <https://www.scrip.org/reference/ReferencesPapers.aspx?ReferenceID=408121> (date of access: 01.07.2021).
46. Корниенко Д. С., Дериш Ф. В. Академическая мотивация и свойства Темной триады личности [Электрон. ресурс] // *Психологические исследования*. 2015. № 8 (43). С. 6. Режим доступа: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 01.07.2021).
47. Nordmarker A., Hjärthag F., Perrin-Wallqvist R., Archer T. The roles of gender and personality factors in vandalism and scrawl-graffiti among Swedish adolescents // *PsyCh Journal*. 2016. № 5 (3). P. 180–190. Available from: <https://doi.org/10.1002/pchj.133> (date of access: 01.07.2021).
48. Furnham A., Richards S. C., Paulhus D. L. The Dark Triad of Personality: a 10 year review // *Social and Personality Psychology Compass*. 2013. № 7 (3). P. 199–216.
49. Хазова С. А., Адеева Т. Н., Тихонова И. В. Жизненные траектории лиц с ограниченными возможностями здоровья через призму качества жизни. Кострома: Костромской печатный дом, 2019. 200 с.

50. Fisher J. D., Baron R. M. An equity-based model of vandalism // *Population and Environment*. 1982. № 5. P. 182–200.

51. Знаков В. В. Макиавеллизм, манипулятивное поведение и взаимопонимание в межличностном общении // *Вопросы психологии*. 2002. № 6. С. 45–54.

52. Егорова М. С. Макиавеллизм в структуре личностных свойств // *Вестник Пермского государственного педагогического университета*. Серия 10. Дифференциальная психология. 2009. № 1 (2). С. 65–80.

53. Дорохова Т. С., Новосёлов С. А., Галагузова Ю. Н. Социальные проекты как инструмент социально-педагогической деятельности в контексте наследия А. С. Макаренко // *Народное образование*. 2019. № 4 (1475). С. 75–81.

References

1. Rudenkin D. V., Vorobyeva I. V., Kruzhkova O. V., Krivoshchekova O. V. Youth vandalism in the metropolitan environment: The boundaries of the norm and deviation. *Образование и наука = The Education and Science Journal*. 2018; 20 (2): 125–146. (In Russ.)

2. Razinov Yu. A. Postmarginal state. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury = International Journal of Cultural Research* [Internet]. 2020 [cited 2021 July 01]; 1 (38): 6–21. DOI: 10.24411/2079-1100-2020-00001 (In Russ.)

3. Vlasova E. V. Megapolis как семантико-символическая культура: автореф. дис. канд. филос. наук = Megapolis as a semantic-symbolic culture [thesis]. Moscow; 2013. 10 p. (In Russ.)

4. Milgram S. *Эксперимент в социальной психологии = Experiment in social psychology*. St. Petersburg: Publishing House Piter; 2000. 336 p. (In Russ.)

5. Kruzhkova O. V., Vorobyeva I. V., Zhdanova N. E. Urban stress: Subjective and environmental factors of youth vandalism as coping strategies. In: *Психологиya stressa i sovladayushchego povedeniya: vyzovy, resursy, blagopoluchiye. Materialy V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii = The Psychology of Stress and Coping Behavior: Challenges, Resources, Well-being. Materials of the V International Scientific Conference*; Kostroma; 2019. p. 86–90. (In Russ.)

6. Matheson F. I., Moineddin R., Dunn J. R., Creator M. I., Gozdyra P., Glazier R. H. Urban neighborhoods, chronic stress, gender and depression. *Social Science & Medicine*. 2006; 63 (10): 2604–2616. DOI: 10.1016/j.socscimed.2006.07.001

7. Lederbogen F., Haddad L., Meyer-Lindenberg A. Urban social stress – Risk factor for mental disorders. The case of schizophrenia. *Environmental Pollution*. 2013; 183: 2–6. DOI: 10.1016/j.envpol.2013.05.046

8. Babikova M. R., Vorobyeva I. V., Zlokazov K. V., Kruzhkova O. V., Obolenskaya A. G., Porozov R. Yu., Rudenkin D. V., Simonova I. A. Molodezhnyy vandalizm kak reaktsiya na informatsionnyye vyzovy gorodskoy sredy = Youth vandalism as a reaction to information challenges of the urban environment. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University; 2019. 240 p. (In Russ.)

9. Simonova I.A. The affective power of vandalism: youth vandal practices in the context of the concept of affective labor. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiiye i sotsialnyye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Change Journal*. 2019; 1 (149): 273–291. (In Russ.)

10. Zinganel M. Vandalism as a productive force. *Shrinking Cities: International Research*. 2005; 1: 294.

11. Zlokazov K.V. Individual-typological correlates of destructive behavior. In: *Izvestiya uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 3: obshchestvennyye nauki = Bulletin of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences*. 2015; 2 (140): 153–161. (In Russ.)
12. Kruzhkova O. V., Vorobyeva I. V., Porozov R. Yu., Zarbova B. Functions of vandalism in youth behavior: From personality to society. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2018; 20 (10): 95–120. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-95-120 (In Russ.)
13. Hirtenlehner H., Leitgöb H., Stiebellehner K., Birklbauer A., Bacher J. Vandalismus und Sachbeschädigungsdelinquenz von Kindern und Jugendlichen. *ZJJ*. 2019; 2: 120–132. (In German)
14. Richards P. Middle-class vandalism and age-status conflict. *Social Problems*. 1979; 26 (4): 482–497.
15. Tygart C. Public school vandalism: Toward a synthesis of theories and transition to paradigm analysis. *Adolescence*. 1988; 23 (89): 187–200.
16. Deleichuk L. E., Fardzinova Z. A. Vandalism as a form of asocial behavior of youth. *Politika, gosudarstvo i pravo = Politics, Government and Law* [Internet]. 2015 [cited 2021 July 01]; 6. Available from: <http://politika.snauka.ru/2015/06/3167> (In Russ.)
17. Volkova E. N., Mititsina E. A. Review of psychological studies of vandalism in children and adolescents as the basis for designing prevention programs in the educational environment. *Vestnik Minskogo universiteta = Minsk University Bulletin*. Minsk; 2020; 8 (3): 6. (In Russ.)
18. Vatova L. S. *Sotsial'no-psikhologicheskiye osnovaniya molodezhnogo vandalizma i yego profilaktika = Socio-psychological foundations of youth vandalism and its prevention*. Moscow: Publishing House Narodnoe obrazovanie; 2007. 298 p. (In Russ.)
19. Gurova O.V. Vandal behavior of adolescents as a legal and psychological problem. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2018; 20 (10): 76–94. (In Russ.)
20. Schwartz M. J., Dovidio J. F. Reading between the lines: Personality correlates of graffiti writing. *Perception & Motor Skills*. 1984; 5 (59).
21. Pfattheicher S., Kellera J., Knezevic G. Destroying things for pleasure: On the relation of sadism and vandalism. *Personality and Individual Differences* [Internet]. 2019 [cited 2021 July 01]; 140: 52–56. Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0191886918301752?via%3Dihub>
22. Goldstein A. *The psychology of vandalism*. New York: Plenum Press; 1996. 296 p.
23. Francis D. B. *Vandalism – the crime of immaturity*. Dutton; 1983. 114 p.
24. Howard J. L. Factors in school vandalism. *Journal of Research and Development in Education*. 1978; 11 (2).
25. Kleyberg Yu. A. *Creative deviantology*. Moscow: Publishing House of Moscow Region State University; 2016. 160 p. (In Russ.)
26. Kruzhkova O. V., Vorobyeva I. V., Gurova O. V. Graphic vandalism in schools: Semantics and location features. *Psikhologiya kognitivnykh protsessov = Psychology of Cognitive Processes*. 2017; 6: 153–157. (In Russ.)
27. Kochlamazashvili L. G., Furmanov I. A. Motivation of vandal behavior in boys and girls with different tendencies to deviant behavior. *Nauchnyye trudy Respublikanskogo instituta vysshey shkoly = Scientific Works of the Republican Institute of Higher Education*. 2017; 17 (3): 166–174. (In Russ.)
28. Storvoll E. E., Wichstrøm L. Do the risk factors associated with conduct problems in adolescents vary according to gender? *Journal Adolescence*. 2002; 25 (2): 183–202. DOI: 10.1006/jado.2002.0460

29. Van Lier P. A. C., Vitaro F., Barker E. D., Koot H. M., Tremblay R. E. Developmental links between trajectories of physical violence, vandalism, theft, and alcohol-drug use from childhood to adolescence. *Journal of Abnormal Child Psychology*. 2009; 37 (4): 481–492. DOI: 10.1007/s10802-008-9289-6
30. Lopez E. E., Perez S. M., Ochoa G. M., Ruiz D. M. Adolescent aggression: Effects of gender and family and school environments. *Journal of Adolescence*. 2008; 31: 433–450. DOI: 10.1016/j.adolescence.2007.09.007
31. Vorobyeva I. V., Kruzhkova O. V. *Psikhologiya vandal'nogo povedeniya = Psychology of vandalism*. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University; 2015. 304 p. (In Russ.)
32. Egorova M. S., Parshikova O. V. Study of the structure of the factor Honesty, Modesty from the six-factor personality questionnaire HEXACO. *Psikhologicheskkiye issledovaniya = Psychological Research* [Internet]. 2017 [cited 2021 July 01]; 10 (56): 12. Available from: <http://psystudy.ru> (In Russ.)
33. Derish F. V. Symptom complex “Dark Triad” in conjunction with basic personality traits. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 1. Psikhologicheskkiye i pedagogicheskkiye nauki = Bulletin of the Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series №1. Psychological and Pedagogical Sciences*. 2015 1: 18–27. (In Russ.)
34. Vorobyeva I. V., Kruzhkova O. V. Possibilities of diagnosing the motives of vandal behavior. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya = Bulletin of the South Ural State University. Series: Psychology*. 2011; 42 (259): 35–40. (In Russ.)
35. Nasledov A. D. *Matematicheskie metody psikhologicheskogo issledovaniya: analiz i interpretatsiya dannyh = Mathematical methods of psychological research: Data analysis and interpretation*. St. Petersburg: Publishing House Rech'; 2012. 389 p. (In Russ.)
36. Csemy L., Hrachovinova T., Cap P., Starostová O. Aggressive behaviour of adolescents: Prevalence and analysis of the role of family, peer and school-related factors. *Ceskoslovenska Psychologie* [Internet]. 2014 [cited 2021 July 01]; 58 (3): 242–253. Available from: <http://csppsych.psu.cas.cz/result.php?id=847>
37. Storvoll E. E., Wichstrøm L., Pape H. Gender differences in the association between conduct problems and other problems among adolescents. *Journal of Scandinavian Studies in Criminology and Crime Prevention* [Internet]. 2003 [cited 2021 July 01]; 3 (2): 194–209. Available from: <https://scholar.google.com.tr/citations?user=oeUobVYAAAAAJ&hl=en>
38. Gurova O. V., Vorobyeva I. V., Kruzhkova O. V. Youth vandalism as a form of social space cognition and communication in it. *Psikhologiya kognitivnykh protsessov = Psychology of Cognitive Processes*. 2017; 6: 127–133. (In Russ.)
39. Kruzhkova O. V., Vorobyeva I. V. Preparedness for vandal behavior of students: Gender aspect. In: *Gertsenovskiy chteniya: psikhologicheskkiye issledovaniya v obrazovanii = Herzen's Readings: Psychological Research in Education*. 2020; 3: 375–382. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2020-3-76 (In Russ.)
40. Vorobyeva I. V., Kruzhkova O. V. Vandalism as a means of self-knowledge in adolescence. In: *Shestaya mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoy nauke: Tezisy dokladov = Sixth International Conference on Cognitive Science: Abstracts*; 2014 June 23–27; Kaliningrad. Kaliningrad; 2014. p. 223–225. (In Russ.)
41. Kruzhkova O. V., Krivoshechkova M. S. The role of the “dark triad” factors in motivational readiness for vandal behavior of students. *Obrazovatel'nyye resursy i tekhnologii = Educational Resources and Technologies*. 2019; 3 (28): 33–38. (In Russ.)

42. Egorova M. S., Sitnikova M. A., Parshikova O. V. Adaptation of the Dark Triad Short Questionnaire. *Psikhologicheskiye issledovaniya = Psychological Research* [Internet]. 2015 [cited 2021 July 01]; 8 (43): 1. Available from: <http://psystudy.ru> (In Russ.)
43. Kornilova T. V., Kornilov S. A., Chumakova M. A., Talmach M. S. Methods for diagnosing personality traits of the “Dark Tirade”: Testing the “Dark Dozen” questionnaire. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*. 2015; 36 (2): 99–112. (In Russ.)
44. Lilienfeld S. O., Andrews B. P. Development and preliminary validation of a self-report measure of psychopathic personality traits in noncriminal populations. *Journal of Personality Assessment*. 1996; 66: 488–524.
45. Jakobwitz S., Egan V. The dark triad and normal personality traits. *Personality and Individual Differences* [Internet]. 2006 [cited 2021 July 01]; 40 (2): 331–339. Available from: <https://www.scrip.org/reference/ReferencesPapers.aspx?ReferenceID=408121>
46. Kornienko D. S., Derish F. V. Academic motivation and properties of the Dark Triad of personality. *Psikhologicheskiye issledovaniya = Psychological Research* [Internet]. 2015 [cited 2021 July 01]; 8 (43): 6. Available from: <http://psystudy.ru> (In Russ.)
47. Nordmarker A., Hjärthag F., Perrin-Wallqvist R., Archer T. The roles of gender and personality factors in vandalism and scrawl-graffiti among Swedish adolescents. *PsyCh Journal* [Internet]. 2016 [cited 2021 July 01]; 5 (3): 180–190. Available from: <https://doi.org/10.1002/pchj.133>
48. Furnham A., Richards S. C., Paulhus D. L. The Dark Triad of Personality: A 10 year review. *Social and Personality Psychology Compass*. 2013; 7 (3): 199–216.
49. Zhiznennyye trayektorii lits s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya cherez prizmu kachestva zhizni = Life trajectories of persons with disabilities through the prism of quality of life. Kostroma: Kostroma Printing House; 2019. 200 p. (In Russ.)
50. Fisher J. D., Baron R. M. An equity-based model of vandalism. *Population and Environment*. 1982; 5: 182–200.
51. Signs V. V. Machiavellianism, manipulative behavior and mutual understanding in interpersonal communication. *Voprosy psikhologii = Psychology Issues*. 2002; 6: 45–54. (In Russ.)
52. Egorova M. S. Machiavellianism in the structure of personality traits. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 10. Differential'naya psikhologiya = Bulletin of the Perm State Pedagogical University. Series 10. Differential Psychology*. 2009; 1 (2): 65–80. (In Russ.)
53. Dorokhova T. S., Novoselov S. A., Galaguzova Yu. N. Social projects as a tool of social and pedagogical activity in the context of the legacy of A. S. Makarenko. *Narodnoye obrazovaniye = Public Education*. 2019; 4 (1475): 75–81. (In Russ.)

Информация об авторах:

Кружкова Ольга Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, ведущий лабораторией перспективных социосредовых исследований Уральского государственного педагогического университета; ORCID 0000-0002-2569-8789, ResearcherID Q-4655-2016; Екатеринбург, Россия. E-mail: galiat1@yandex.ru

Девятковская Ирина Владимировна – кандидат психологических наук, аналитик лаборатории перспективных социосредовых исследований, доцент кафедры педагогики и педагогической компаративистики Уральского государственного педагогического университета; ORCID 0000-0003-1250-6490; Екатеринбург, Россия. E-mail: rosirin@yandex.ru

Кривошекова Марина Сергеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры профессионально-ориентированного языкового образования Уральского государственного педагогического университета; Екатеринбург, Россия. E-mail: kmsolimp@mail.ru

Вклад соавторов. Авторы внесли равнозначный вклад в сбор эмпирического материала, обработку данных и написание текста статьи.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 22.11.2020; поступила после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 06.10.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Olga V. Kruzhkova – Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Head of the Laboratory for Advanced Socio-Environmental Research, Ural State Pedagogical University; ORCID 0000-0002-2569-8789, ResearcherID Q-4655-2016; Ekaterinburg, Russia. E-mail: galiat1@yandex.ru

Irina V. Devyatovskaya – Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Analyst of the Laboratory for Advanced Socio-Environmental Research, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Pedagogical Comparative Studies, Ural State Pedagogical University; ORCID 0000-0003-1250-6490; Ekaterinburg, Russia. E-mail: rosirin@yandex.ru

Marina S. Krivoshchekova – Cand. Sci. (Education), Associate Professor, Department of Professionally Oriented Language Education, Ural State Pedagogical University; Ekaterinburg, Russia. E-mail: kmsolimp@mail.ru

Contribution of the authors. The authors equally contributed to the collection of empirical material of the present research, data processing and writing the text of the article

Conflict of interest statement. The authors declare that there is no conflict of interest.

Received 22.11.2020; revised 01.10.2021; accepted for publication 06.10.2021.

The authors have read and approved the final manuscript.